

The background of the cover is a soft-focus illustration of a man and a woman. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a dark coat and a grey scarf. The woman, on the right, has blonde hair and is wearing a yellow sweater. In the foreground, a young boy with brown hair, wearing a yellow shirt and blue pants, sits on the floor looking at a small white puppy. To the left of the boy is a yellow cushion with a heart-shaped cutout showing a black and white illustration of a woman hugging a child. A vase of yellow and white daffodils is also visible. The overall color palette is warm, featuring yellows, greys, and soft blues.

БЫВШИЕ

МОЕ МАЛЕНЬКОЕ *Счастье*

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

АННА КОВАЛЕВА

Анна Ковалева

БЫВШИЕ. Мое маленькое счастье

<https://litres.ru/74567362>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Это ведь мой сын?

— Нет, Руслан. Он только мой. Ты тогда отказался от нас обоих. Так что не вздумай теперь качать права.

— Я о нем даже не знал! Ты его скрыла от меня!

— Еще скажи, что украла. — смерила бывшего яростным взглядом. Претензии он мне еще высказывает.

Негодяй! Сам прыгал по двум койкам, врал, как дышал, а потом выбросил меня за борт ради ненаглядной Миленочки.

И я же в итоге виновата, по его мнению. Потрясающе.

— Можно сказать и так. — цедит зло. — Ты обязана была мне рассказать о беременности, Варя. Обязана!

—И когда я должна была это сделать? Когда лежала на сохранении, а ты женился на другой? Или когда я почти сутки мучилась схватками, ты в это время отдыхал в Дубае?

Черная полоса для меня началась внезапно. Сначала уволили с работы, потом бросил мужчина, которого безумно любила.

Руслан расстался со мной предельно цинично, но оставил самый дорогой в жизни подарок.

Подарок, крохотное сердечко которого помогло мне не сломаться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	68
Глава 12	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Анна Ковалева

Бывшие. Мое маленькое счастье

Глава 1

Варвара Туманова, 28 лет.

Москва, апрель

— Доброе утро, девочки, — улыбнулась я, войдя в холл.

Настроение у меня было прекрасным. Настолько, что хотелось улыбаться каждому встречному и напевать вслух любимые песни.

И мне было чему радоваться: на улице стояла прекрасная погода, невероятно хорошая для начала апреля, в следующую пятницу я собиралась отмечать день рождения, а завтра должен был прилететь Руслан.

А я так соскучилась по любимому, что буквально порхала на крыльях в предвкушении скорой встречи.

И своей радостью готова была делиться с окружающим миром.

Только вот коллеги почему-то выглядели притихшими и предельно серьезными, напомнив мне мышей, сбившихся

под веником.

Что очень резко било по восприятию. Обычно я сразу, как только заходила в холл, слышала веселый щебет и смех девчонок, а их улыбки сияли не хуже стоваттных лампочек.

Встречать и провожать клиентов только улыбкой — таков был девиз нашего центра.

Но этим утром я натолкнулась на полную, почти гробовую тишину и в удивлении замерла, пытаюсь понять, что пошло не так.

— Боюсь, оно уже недоброе, — грустно ответила Таня, наш администратор.

— Почему? Что случилось с утра пораньше?

— Алевтина Петровна приехала, — заговорщицки прошептала Юля, когда я поближе подошла к стойке. — Злая как тысяча чертей прискакала, наорала на всех. Не знаю, что за муха ее укусила, но выглядела она не очень адекватно. По всем, кто ей на глаза попался, прошлась катком, а потом ушла к тебе в кабинет. Сказала, что будет ждать тебя там.

— Ладно, разберемся сейчас. А вы выше нос, всякое бывает в жизни. И плохое настроение начальства не повод распугивать клиентов траурным видом. Всё, заканчиваем рефлексировать и начинаем работать, — подбодрила я девчонок и направилась в административное крыло, где располагался мой кабинет.

В косметологическом центре «Beauty Life» я работала уже шесть лет, и три из них на должности управляющей.

Хозяйкой центра была Алевтина Петровна Пустовит, но появлялась она здесь редко, в основном для проверок или когда сама приходила на процедуры. А вся работа, по сути, лежала на моих плечах.

Алевтина была женщиной характерной, но у нас с ней сложились нормальные отношения.

И я даже представить не могла, что ее могло привести в такое поганое настроение.

Неужели конкуренты подгадили как-то? Или на личном фронте что-то стряслось? Муженек у Алевтины на редкость мерзкий мужик.

Но персонал центра-то тут при чем? Работают девочки хорошо, плохие спецы у нас не задерживаются. Я за этим слежу. Репутация центра превыше всего.

Так в чем тогда проблема?

Пока шла по коридору, всю голову сломала, но так ничего и не придумала. И решила, что это даже к лучшему.

Что толку гадать, если можно всё узнать из первых рук?

— Здравствуйте, Алевтина Петровна, — вежливо поздоровалась я, войдя в кабинет, но напоролась на такой полный ненависти взгляд, что даже о том, что надо снять тренкот, забыла.

Это было более чем странно. Мы с Алевтиной никогда не ссорились, и я представить не могла, чем я заслужила такие взгляды.

— Дверь закрой и иди сюда, дрянь, — прошипела она. —

Не хочу, чтобы весь персонал знал о той грязи, что ты здесь развела.

— Алевтина Петровна, — я закрыла дверь, непослушными пальцами расстегнула пуговицы и повесила плащ на вешалку, — я вас не понимаю. Почему вы меня оскорбляете? Мы с вами работаем не первый год и...

— Вот именно, тварь ты такая! Не первый год вместе работаем. Я тебя управляющей сделала, шикарные премии платила, доверяла во всем! А ты решила увести у меня мужа в благодарность за это? Слишком в себя поверила? Серьезно думала, что я свое так просто отдам? Так выкуси, шлюха! Тебе не обломится ни крошки! Уйдешь отсюда с голым задом.

— Алевтина Петровна! — возмутилась я. — Что вы такое говорите? У меня есть любимый мужчина! Вы его не раз сами видели! Зачем мне ваш муж? Да даже будь я одинокой, никогда бы не связалась с женатым мужчиной!

— Ой, — скривилась Пустовит, — не надо строить из себя святую! Мне Валера во всех подробностях рассказал, что ты его домогаешься уже три месяца. Проходу не даешь, названиваешь, шлешь свои интимные фото. Видела я это непотребство. И это еще на корпоративе началось!

А вот тут я вздрогнула и прикрыла глаза. Так и знала, что этот новогодний корпоратив мне боком выйдет.

Только вот было всё совсем не так, как рассказал жене Валерий. Он наврал с три короба, запачкав меня грязью и выставив себя белым и пушистым.

Хотя на самом деле господин Пустовит — бабник, каких поискать, и порядочная сволочь.

У него же на лице все пороки написаны.

Не знаю, куда смотрела Алевтина, но я прекрасно видела, как он сальным взглядом смотрит на тех сотрудниц, кто помоложе и посимпатичнее.

И на меня такие же взгляды кидал. Но лезть не смел, видимо, боялся, что я сразу сдам его жене.

Лишь пошленькие комплименты отвешивал втихаря да взглядами похотливыми по телу водил.

Но я упорно делала вид, что ничего не замечаю. А поскольку дальше этого он не заходил, то тревогу бить смысла не видела. Как и увольняться с хорошей должности.

Всё изменилось в минувшем декабре. Коллектив центра тогда праздновал корпоратив в ресторане.

Именно в ту ночь Валерий подловил меня у туалетов, затянул в подсобку, зажал у стены и начал лапать.

К счастью, он был бухой в хлам, так что я врезала ему по «фаберже», вырвалась и сбежала из подсобки, а потом и из ресторана.

Хотела на следующий же день обо всем рассказать Алевтине, но не успела. Валерий заявился ко мне в кабинет с букетом цветов, каялся, извинялся, чуть ли на колени не вставал.

Говорил, что черт попутал по пьяни, что любит Алевтину и не хочет ее терять. В общем, просил не рассказывать об

инциденте в подсобке.

И деньги предлагал за молчание, очень большие деньги.

И я промолчала, да. В любовь Валерия к жене не особо верила, но чужая душа — потемки, что называется. У некоторых любовь приобретает весьма странные, а порой даже уродливые формы.

Но кто я такая, чтобы быть судьей?

Мне не хотелось лезть в чужие отношения, как и рассказывать кому-то о случившемся. Стоило вспомнить, как жирные пальцы Валерия сжимали мое обнаженное бедро, сразу начинало тошнить.

И грязные деньги мне были не нужны. Я просто хотела побыстрее обо всем забыть. Поэтому вернула конверт, но потребовала с Пустовита обещание, что он больше не посмеет меня не только трогать, но даже подходить ближе, чем на метр.

В противном случае грозилась сразу обо всем рассказать Алевтине.

Угроза вроде бы подействовала, Валерий затих, отстал от меня, и я забыла произошедшее как страшный сон.

Думала, всё обошлось. Что больше он в мою сторону не посмотрит и я смогу нормально работать.

Всё же в «Beauty Life» я была как рыба в воде, и никуда уходить не хотела. Это было мое место.

А эта мразь, получается, выжидала, чтобы мне отомстить? Хорошо он всё устроил, конечно.

Обдумал, обстряпал легенду, да еще удар нанес исподтишка. Так чтобы меня врасплох застать.

Надо же, это, оказывается, не он меня чуть не изнасиловал, а я ему прохода не даю месяцами.

И хуже всего то, что Алевтина поверила мужу-козлу. Сразу поверила и набросилась на меня, готовясь растерзать.

А мне только и оставалось, что отбивать удары и доказывать свою невиновность.

— Это неправда, Алевтина Петровна, — сказала я, поджав губы. — Я готова вам показать все свои переписки в телефоне. У меня нет связи с вашим мужем, как и намерения его соблазнить. Моя совесть чиста. А что до корпоратива, то вот вам правда: Валерий Михайлович чуть меня не изнасиловал.

Я вздохнула, перевела дух и рассказала всю правду о Валерии. И о его сальных взглядах в мою сторону, и о том, как ее муж, будучи пьяным в дупель, на меня полез, и о нашем с ним договоре молчания.

Только вот было уже поздно. Муж ее хорошенько накрутил, скормив свою наглую ложь как правду. Поэтому Алевтина с каждым моим словом приходила во всё большее бешенство...

— Врешь! Лживая сука, как у тебя только язык поворачивается этот бред нести!

— Это правда, Алевтина Петровна. Ваш муж — редкая сволочь и отъявленный лгун! А моей вины в случившемся

нет.

— Закрой рот, гадина! — озверев от гнева, Пустовит от-
весила мне такую пощечину, что я чуть не отлетела к стене...
— Собирай свои манатки и уматывай! Чтобы к вечеру духа
твоего в моем центре не было, лживая потаскуха!

**От автора: дорогие мои, рада видеть всех в своей
новинке. История, как всегда, будет очень непростой,
но надеюсь, что интересной для вас.**

**Внимание! Это полноценный полновесный роман,
так что настраиваемся на марафон с продами за ча-
шечкой чая))**

**Роман пишется эксклюзивно, в рамках замечатель-
ного литмоба**

«Счастье быть мамой»

**Вас ждут 13 ярких, эмоциональных и трогательных
историй о сложном пути к счастливому материнству.
Чтобы не пропустить новинки, можно подписаться на
подборку**

[литмоба "Счастье быть мамой"](#)

Глава 2

Варвара

Несмотря на унижение, я стояла на своем до последнего. Отстаивала справедливость и свое честное имя.

Около часа мы с Алевтиной говорили на повышенных тонах, но, увы, ни к чему хорошему это не привело.

Пустовит не желала мне верить, а человеку, который не желает слышать, правду донести невозможно.

Для Алевтины я стала врагом номер один, и менять мнение она не собиралась. Даже задуматься над моими словами не захотела.

Для нее была лишь одна правда — то, что скормил ей урод-муженек.

— Всё, я сказала! Не смей раскрывать свой поганый рот на моего мужа! Завтра здесь будет новая управляющая. А тебя чтобы после обеда здесь не было. Я сейчас же предупрежу отдел кадров, чтобы все твои бумажки выдали. И только попробуй чем-нибудь напакостить центру — я тебя уничтожу.

Вдоволь прооравшись, она оттолкнула меня в сторону и выскочила в коридор, громко хлопнув дверью.

А я упала в кресло и прикрыла глаза, пытаясь осмыслить происходящее и решить, что со всем этим делать.

Ощущение было такое, будто я внезапно провалилась в какой-то кошмарный сон. Захотелось даже ущипнуть себя,

чтобы поскорее проснуться.

Но, увы, этот кошмар оказался реальностью. В которой мне нужно было как-то выживать.

Целый час я просидела в прострации, проходя все стадии принятия ситуации и пытаюсь понять, как быть дальше.

Самой первой мыслью было — продолжить себя отстаивать. Ведь то, что сделал Пустовит, было самой настоящей клеветой. А за это несут ответственность. Как и за сексуальные домогательства.

По идее я могла подать в суд на эту сволочь. И сначала хотела это сделать.

А потом начала размышлять и поняла, что ничего своим иском не добьюсь. Вернее, добьюсь того, что семейка Пустовит меня действительно размажет.

Наверняка они натравят свою хищную команду юристов, с которыми мне никак не тягаться.

А у меня ведь даже доказательств нет. Только мое слово против слова Валерия Пустовита.

С момента новогоднего банкета прошло три месяца, свидетелей его приставаний не было, как и камер в той части коридора и тем более в подсобке.

Всё, что я могла предъявить — это свой чистый телефон. Но, опять же, это не далеко не железное доказательство.

Юристы Пустовита обстрепают всё так, будто я писала с левого телефона. А со связями этой семейки легко будет и этот выдуманный телефон предъявить, и даже мои пальчики

на нем найти.

Когда человек хочет выйти сухим из воды и при этом отомстить другому, он пойдет на всё.

А Валерий добивается как раз этого. Хочет меня наказать и заодно прикрыть свои грешки.

Есть еще, правда, какие-то интимные фото, о которых твердила Алевтина, но мысли об этом вообще меня в дикий ужас приводили.

Я не представляла, как должна доказывать, что не я на этих снимках. Догола раздеться и пройти освидетельствование?

Чтобы какой-то непонятный эксперт рассматривал мое тело и потом сличал со снимками?

Нет, на такое унижение я точно пойти не могла.

Путем таких умозаключений я пришла к выводу, что игра не стоит свеч. В противостоянии с этой семейкой мне не выстоять.

Справедливости всё равно не добьюсь. Только нервы себе окончательно испорчу и подвергнусь унижениям.

Был еще вариант подключить Руслана, но этого я тоже не хотела. Не желала, чтобы он влезал в это дерьмо. Видел грязь и слышал мерзости, которыми меня поливают.

Я не сомневалась, что он меня защитит, но... зачем разводить дразги, споры, судебные слушания на месяцы, если можно просто уйти с высоко поднятой головой?

В конце концов, грязь ко мне не прилипла. Я и морально,

и физически чиста. Валерий это знает, а Алевтина может думать обо мне всё, что хочет.

Нравится ей считать меня шлюхой — пусть. Мне от этого ни холодно ни жарко.

А работу я найду. Москва — город большой, вакансий много, не пропаду...

В итоге спустя полтора часа размышлений я окончательно решила уйти и не пытаться баламутить топкое болото.

Пусть Валерий и Алевтина сами в нем барахтаются, для них, похоже, это родная стихия.

К обеду я упаковала все свои вещи и попросила охранника отнести коробки в машину.

А потом забрала из отдела кадров свои документы и сделала небольшое объявление в актовом зале. Для тех, кто не был занят с клиентами.

Персонал был в шоке от моего увольнения. Я видела это по их лицам. Все сидели, как мешком пришибленные и не понимали, за что меня уволили.

— Как же так? — Таня всё же решилась задать волнующий всех вопрос. — Варвара Олеговна, вы же замечательный руководитель. Почему вас уволили?

Рассказывать коллегам обо всем я не собиралась, конечно. Мне было противно обмусоливать это.

Но просто промолчать я не могла. Поэтому сказала прав-

ду, но строго выверенную и размытую.

— Скажем так, уволили меня несправедливо. Я не хочу и не буду вдаваться в подробности. Во-первых, мне неприятно, а во-вторых, это просто бессмысленно. Алевтина Петровна сделала свой выбор, и я больше не стану ее переубеждать. Так что сегодня я с вами прощаюсь, а завтра у центра будет новый руководитель. И еще, не знаю, какие слухи поползут обо мне, знайте: всё это неправда. Я уйду с высоко поднятой головой и чистой совестью. А вы держитесь, мои хорошие. Пусть у вас всё будет хорошо...

В центре меня уважали, так что прощание затянулось на добрый час. А потом я вышла, немного постояла, рассматривая знакомый до боли фасад, и села в салон своей тойоты...

Внутри всё клокотало от несправедливости и незаслуженной обиды, а слезы отчаянно жгли глаза, но я усилием воли взяла себя в руки.

Ничего, увольнение еще не конец света, — повторяла про себя как мантру.

Как говорится, когда закрывается одна дверь, где-то открывается другая. И мне эту новую дверь предстоит найти.

А еще у меня есть любимый мужчина. И возможно, мое увольнение пойдет лишь на пользу нашим отношениям.

Глава 3

Несмотря на принятое решение, остаток дня я провела в унынии. Всё же сложившуюся ситуацию не так легко было переварить.

И как бы я ни пыталась изменить свое отношение к сложившимся обстоятельствам, мне всё равно было неприятно, обидно и даже больно.

Чтобы не оставаться одной в пустой квартире, я поехала с ночевкой к маме. С ней единственной я могла поговорить по душам и поделиться своей бедой.

А чтобы хоть немного отвлечься, занялась приготовлением ужина. Знала, что вымотанной после работы маме будет приятно не стоять у плиты, а сесть за уже накрытый стол.

Так и пролетело время. Я встретила маму с работы, мы поужинали, а уже после я рассказала маме обо всем произошедшем.

Всё начиная с того злополучного корпоратива.

— Как же так, Варя? — мой рассказ привел маму в крайнюю степень негодования. — Как Алевтина могла так с тобой поступить? Почему поверила в эту наглую ложь?

— Муж оказался ближе к телу, — невесело усмехнулась я. — Вот и выбрала его сторону. А может, просто не хочет верить в то, какая он паскуда. Сознательно отказывается видеть правду. То ли из-за большой любви, то ли просто пото-

му, что ей так удобно.

— Может, действительно удобно. Поэтому так категорична в своих обвинениях. Видимо, даже думать не хочет о том, что ты говоришь правду. Не хочется ссориться и разводиться с муженьком, поэтому и избавилась от тебя как расходного материала. Но ты, Варя, тоже хороша!

— В смысле?

— В прямом! — мама хлопнула ладонью по столу и вскочила с места. — Почему ты молчала о приставаниях этого мерзавца? Он же тебя лишь чудом не изнасиловал. Сразу надо было идти и рассказывать всё Алевтине!

— Но всё же обошлось, — вздохнула я. — Вот я и решила не гнать волну. Думала, что и правда полез по пьяни ко мне. Некоторые же мужики совсем дурные становятся, как выпьют. Не соображают ни черта. Вот и поверила, что не будет больше лезть ко мне. Скандал и огласка ему не нужны.

— Очень самонадеянно, милая. Да, скандал ему не нужен, поэтому он и оболгал тебя. Поэтому и время выжидал, расчётливый гад. Знал, что спустя три месяца твои слова не будут иметь никакого веса. И что в суд ты не пойдешь. И вот мы имеем, что имеем. С такими, как этот Пустовит, нельзя заключать сделки.

— Теперь я понимаю это, но все мы задним умом крепки. Если бы я могла предвидеть такой расклад, конечно, молчать не стала бы. Но я не предвидела. Так какой смысл сейчас корить себя? Прошлого не вернуть, хоть голову о сто стен раз-

бей. Да и не факт, что Алевтина тогда бы мне поверила. Уверена, этот подонок наплел бы ей с три короба, и результат был бы тот же самый. Наверняка Валерий бы выставил всё так, будто я его завлекла в подсобку и попыталась соблазнить.

— Твоя правда, — мама выдохнула, вернулась за стол и осторожно накрыла мою ладонь своей. — И так могло быть. Но мне-то ты почему не рассказала, милая? Неужели думала, что я тебя не поддержу?

— Не хотела тебя впутывать в это, мам. Знала же, что ты будешь переживать.

— Конечно, буду, милая. Мать за своего ребенка будет переживать всегда. Я же тебя не осуждаю сейчас, просто переживаю очень. И поэтому мне жаль, что ты мне не доверилась. Могли бы по-другому разругать это дело.

О том, что мама переживает за меня, я знала прекрасно. Я ведь была единственным и любимым ребенком.

Папа умер, когда мне было восемь лет, и замуж во второй раз мама так и не вышла. Даже отношений серьезных ни с кем не заводила. В буквальном смысле она посвятила жизнь мне и моему благополучию.

Прямо мама никогда не говорила об этом, но я слышала ее разговоры с подругами. С ними мама откровенно говорила, почему больше не хочет сходиться с мужчиной.

— Ну, Маш, сама подумай, куда мне по мужикам бегать? Мне о дочери думать надо. Кормить, одевать, на ноги под-

нять и образование дать. А какому мужику нужен чужой ребенок?

— Пфф, Света, люди и по три, и по четыре раза замуж выходят. И от каждого брака дети. Живут же как-то.

— Вот именно, что как-то. А я не хочу Варей рисковать. Моя дочь должна жить нормально, а не как-то. Не хочу нарваться на мужика, который будет ее обижать, руку поднимать втихую, да еще и упрекать меня постоянно тем, что принял моего ребенка. А в наше время на такого шансы нарваться велики как никогда. Такие считают одолжением великим, что приняли женщину с ребенком. И что на них молиться должны. Нет, мне такого не надо. Я вон наслушалась Зойкиных рассказов, спасибо. Ее хахаль каждую копейку считает, потраченную на падчерицу. Следит, чтобы Зоя кормила ее только на свои деньги и готовила малышке отдельно. Бедный ребенок даже в холодильнике ничего взять не сможет, иначе этот урод ее по рукам бьет. Я Варьку не для такой жизни рожала...

Тот разговор я хорошо запомнила, хоть и не был он предназначен для моих ушей. И после этого еще больше зауважала маму. За то, что не променяла меня на мужской причиндал и кошелек.

Вот и сейчас не сомневаюсь в маминых словах и стараюсь успокоить как могу.

— Ну что уж, вышло так, как вышло. Голову посыпать пеплом смысла нет. Остается только жить дальше. В конце кон-

цов, увольнение еще не конец света.

— К счастью, да. В столице тем более вакансий много, найдешь что-нибудь.

— Знаешь, я много думала и решила, что всё, что не происходит, то к лучшему. Раз я лишилась работы, то теперь могу перебраться с Русом в Питер. И ему больше не придется разрываться между двумя городами.

— А что, Руслан собрался перевестись в питерский филиал насовсем? Хочет быть поближе к родителям? — мама отпила пару глотков чая и внимательно на меня посмотрела.

— Пока не знаю. Вернется завтра, и поговорим обстоятельно. Решим, что делать дальше.

— Кстати, ты же ему правду не расскажешь о своем увольнении?

— Нет, конечно, ты что, мам? — я помотала головой. — Он же этого подонка голыми руками придушит.

— А было бы неплохо, — мама поджала губы. — Таких сволочей надо наказывать. Чтобы не беспроделили.

— Нужно, но не опускаться же при этом до их уровня? Да и не хочу я, чтобы у Руса были проблемы с законом. Не хочу портить наши отношения грязью. Это как раз тот случай, когда чем меньше знаешь, крепче спишь.

— Что ж, поступай как знаешь. Может, и правда Руслану лучше будет ничего не знать. — мама кивнула. — Не хватало еще, чтобы вы поругались.

— Вот именно. И еще одно, — бросила на маму осторож-

ный взгляд. — Если мы с Русом переедем в Питер, ты же не обидишься? Обещаю, что буду звонить. И приезжать будем каждый месяц. И ты к нам приезжай.

— Милая, — мама улыбнулась. — Мне главное, чтобы вы с Русланом были счастливы... А в Москве, Питере или Новосибирске — неважно. Главное, любите и берегите друг друга. А ездить в гости — это не проблема.

Глава 4

В нашу квартиру с Русланом я вернулась уже утром. А по дороге заехала в супермаркет и накупила продуктов.

Вот и еще один плюс внезапного увольнения: можно будет без напряжения устроить нам замечательный вечер.

Любимые блюда Руслана, коктейли, ужин при свечах — полный романтик, всё как положено.

А нам такого романтика очень не хватает, ведь в последние полгода Ярцев разрывается между Москвой и Питером.

Его временно назначили на должность финансового директора в питерском филиале его компании, так что виделись мы теперь в лучшем случае раз в месяц.

Каждые три недели Руслан приезжал в Москву на выходные, и мы с ним наверстывали время, упущенное в разлуке.

А этот приезд обещал стать особенным: в честь моего дня рождения Рус обещал пробыть в Москве целых десять дней.

Я уже предвкушала эти десять дней счастья и безудержной страсти и надеялась, что Ярцев сообщит мне приятные новости.

В плане того, что ему удалось, наконец-то, наладить работу филиала, и он снова осядет в главном офисе.

Но после моего увольнения всё изменилось. Так что приятную новость любимый получит от меня.

Если у него не получится вернуться в Москву, тогда я по-

еду в Питер. И уже там буду искать новое рабочее место.

Не такой уж и плохой расклад, правда ведь? Как говорится, что ни делается, всё к лучшему.

Такие мысли помогли мне поднять настроение, и по кухне я буквально порхала. Приготовила борщ, мясной рулет с гарниром, салаты и любимые Русланом булочки с вишней.

По сложившейся уже привычке я не поехала в аэропорт. Мы с самого начала договорились с Ярцевым, что добираться он будет сам, а я буду встречать его дома, за накрытым столом.

— Ну сама подумай, милая, — втолковывал он мне, когда я пробовала возражать, — зачем столько времени тебе торчать в дороге? Лучше ужин за это время приготовь и надень что-нибудь красивое для меня. Я же буду возвращаться голодный. Во всех смыслах... А тут раз — и всё вкусное на блюдечке лежит.

Я тогда рассмеялась, но после решила, что Рус прав. Что лучше действительно встречать его дома, с горячей едой и при полном параде.

С тех пор так и повелось. Я готовила вкусности и наряжалась, а Рус приезжал с букетом цветов и каким-нибудь подарком.

Мы ужинали, занимались любовью два дня напролет, гуляли, если успевали выбраться из койки, а потом Рус снова уезжал.

Вот такой замкнутый круг.

Было тяжело и тоскливо, конечно, особенно в первое время. Но потом я думала о женах капитанов, которые мужей по полгода ждут, и понимала, что мне еще повезло.

Видеть мужа раз в месяц лучше, чем два раза в год.

В общем, я привыкала к такому режиму и терпеливо ждала, когда эти разъезды закончатся.

И, кажется, они всё-таки закончатся. Хотя и не так, как я предполагала.

К семи вечера у меня уже было всё готово.

Стол накрыт, еда приготовлена и накрыта крышками, чтобы не остыла раньше времени.

И свечи в подсвечниках уже ждали своего часа.

Услышав скрежет ключа в замке, бросила на себя последний взгляд в зеркало и улыбнулась: отражение меня радовало.

На этот вечер я выбрала бежевое платье с квадратным декольте и разлетающимся подолом и комплект из жемчуга.

Ну и белье, само собой. Надела недавно купленный комплект с итальянскими кружевами. Знала, что Руслан его точно оценит.

Пьезозажигалкой поджигаю фитили в свечах и спешу на встречу любимому мужчине.

— Привет, милый, — вылетаю в прихожую, готовая броситься к Ярцеву на шею, но мгновенно замираю, когда вижу его лицо.

Руслан был похож в этот момент на какую-то статую, а

не на привычного себя. Мрачный, напряженный, чужой. От него так и веяло холодом.

И не было ни одной искры радости в глазах от встречи со мной. Как и привычного букета цветов в руках.

— Руслан, — мой голос предательски дрогнул. — Что-то случилось? С родителями что-то?

— Случилось, — бросает отрывисто, разувается и идет в гостиную. — Нам надо поговорить, Варя.

Сердце сжимается от тревожного предчувствия, но я гоню от себя плохие мысли и иду следом за Ярцевым.

— Руслан....

— Варя, — Ярцев равнодушным взглядом обводит комнату, чуть морщится при виде накрытого стола и горящих свечей, а потом поворачивается ко мне. — Нам с тобой нужно расстаться...

— Что, прости? — повторила в растерянности. Потому что таких слов от Руслана я точно не ждала.

Вот и решила, что послышалось на нервах.

— Мы с тобой расстаемся, Варя. — бесстрастно повторил Ярцев, и этот его равнодушный тон ударил сильнее пощечины.

Я не понимала, что происходит. Будто снова попала в кошмарный сон, в котором весь мир ополчился против меня.

Да, последние полгода выдались непростыми, но... Я не пилила Руслана, не трепала нервы и не ставила ультиматумов.

Я терпеливо ждала встреч с ним и радовалась его приездам.

Да, в последние недели Руслан как будто отдалился от меня, мы толком не разговаривали, и сообщения его стали скудными, но...

Но перед этим у нас был шикарный уик-энд, на протяжении которого мы не вылезали из постели, Рус говорил что любит и безумно по мне скучает...

У меня даже мысли не возникло, что у нас какие-то проблемы. Решила, что он просто на работе устает и не лезла с разборками.

И с нетерпением ждала обещанной совместной недели отдыха.

И что теперь? Руслан приехал, но лишь для того, чтобы со мной расстаться? И ведет себя при этом так, будто не он еще три недели назад целовал мне руки и клялся в любви.

Его будто подменили за эти недели.

— Почему, Руслан? — отойдя от первичного шока, задаю главный вопрос. — Тебе что, со мной плохо? Или дело в твоих поездках? Не хочешь разрываться на два города? Так это не проблема больше, меня...

— Дело не в тебе, и не в работе. — перебивает меня, сверля таким же холодным, рыбьим взглядом. — А во мне. У меня появилась другая женщина. Я ухожу от тебя к ней, Варя...

Глава 5

— У меня появилась другая женщина. Я ухожу от тебя к ней, Варя...

Если слова о расставании были для меня сродни пощечине, то слова о другой женщине — выстрелом в упор.

— Руслан, скажи, что это дурацкая шутка, — обессилив, я упала в кресло и пристально уставилась на мужчину.

Мне все еще не хотелось верить в реальность происходящего.

Я хотела увидеть прежнюю улыбку Ярцева, в которую влюбилась когда-то. Хотела, чтобы он подошел, обнял и сказал, что всё это действительно дурацкая шутка или способ проверить меня.

Но он лишь помотал головой и сказал как отрезал.

— Никаких шуток, Варя. Я же не мальчик, чтобы так делать. Прости, но так получилось. Я встретил Милену и влюбился без памяти. И теперь хочу быть с ней.

Ярцев говорил «прости», но я не видела раскаяния в его глазах. Да у него ни один мускул на лице не дернулся.

И это было для меня дико. Я тоже была взрослой девочкой и понимала, что мужчина может разлюбить, но считала, что при этом он хоть немного, но должен чувствовать себя виноватым.

В лице Руслана я этого не видела. Он будто не женщину

бросал, а избавлялся от какой-то ненужной рухляди.

Хотя даже со старой мебелью люди прощаются с чувствами, особенно если эта мебель напоминала о счастливых годах.

Руслан же реально стоял как вымороженный. Ни улыбки, ни слезинки, ни нервной дрожи.

Чисто памятник человеческому равнодушию.

И меня от всего этого начало трясти. В ушах зашумело, сердце оборвалось и полетело куда-то вниз, а дыхание с трудом выходило из горла.

Пришлось обхватить себя за плечи, чтобы скрыть эту нервную трясучку.

— А я, Рус? Как же я? Ты вот так просто говоришь, что разлюбил? А как быть мне?

— Ну что ты как маленькая Варя. — наконец, у Ярцева все же дернулась щека. Хотя какая-то, но эмоция появилась. — Люди встречаются, влюбляются, расходятся. Так бывает. У нас с тобой не получилось. Перегорело у меня, понимаешь? А раз перегорело, надо уходить. Разве я не прав?

— Может, и прав. Только мне от этого не легче.

— Ничего, со временем станет легче. Не мы первые, не мы последние расстаемся. Жизнь на этом не кончается.

Ох, как легко Ярцеву говорить об этом. А я лишилась не только работы, но и еще и любимого.

Получается, во всех смыслах оказалась выброшенной на обочину жизни. А Ярцеву плевать.

А я ведь только мыслями о нем и держалась. О том, что приедет, обнимет, утешит и скажет, что всё обязательно будет хорошо.

Думала, что мы уедем вместе и будем строить новую жизнь, работать, растить детей. Что будем вместе и в радости, и в горе, и встретим старость, идя рука об руку по осенней аллее.

Но Руслан, оказывается, приехал, чтобы столкнуть меня в пропасть.

— Скажи хоть, кто она? И как давно вы с ней? — вскидывая глаза, надеясь хоть какие-то ответы получить.

Но Ярцев мрачнеет еще сильнее, и зло бросает в лицо:

— А вот это тебя не касается. Мои отношения с Миленой — это личная территория, и тебе туда хода нет. Неважно, кто она. Главное, что я ее люблю и хочу жениться на ней. И как давно мы с ней вместе — тоже неважно. Это не твое дело.

Ох, вот как мы заговорили. Я поднялась и спросила, преодолевая слабость, охватившую тело:

— Ну скажи хоть, чем она лучше меня, Ярцев? Чем она тебя околдовала?

— Ты правда хочешь это знать?

— Да, хочу.

— Ну ладно, слушай — Ярцев скривился, — только рыдать потом не начинай. Ты хорошая, Варь, милая, удобная...

— Удобная?

— Именно так, — пожал плечами. — Мне с тобой было

хорошо, уютно и удобно. Но это всё приелось, понимаешь? Ты как плошка с постным рисом, а Милана — восхитительное экзотическое блюдо. Десерт для гурманов.

Господи! От этих слов у меня перед глазами всё поплыло, так что пришлось вцепиться в подлокотник кресла, чтобы не упасть.

А перед глазами всплыли кадры нашей последней ночи. Руслан был таким особенным в те выходные, одновременно нежным и безумно страстным. Мы не засыпали, пока полностью не лишились сил.

Да и утро начиналось с занятий любовью. А какие слова шептал мне на ухо Ярцев, они же до сих пор у меня в ушах стоят.

Куда это всё делось? Милены тогда еще не было в его жизни и он всего за три недели ко мне намертво охладел?

Или всё это было притворством, которое я не почувствовала?

— Ладно, допустим. — бросила на Ярцева пристальный взгляд. — Ты меня разлюбил, я тебе опостылела. Дело житейское, как говорят. Но что это было три недели назад? Эти три ночи, полные страсти, мне приснились? А слова о любви, которые ты мне шептал в постели? Зачем это было, если ты меня уже не любил?

Ярцев зло сплюнул и отошел к окну, уставившись в окно на вечерний город. Отвечать он не торопился, а у меня нервы уже не выдерживали, поэтому я начала торопить.

— Я жду ответа, Руслан. Давай, выкладывай уже всю правду до конца. Или смелости не хватает?

— Ладно, черт с тобой, — резко развернулся и сказал, как плюнул. — Считай, что это был мой прощальный подарок...

— Подарок?

— Да. Хотел оставить приятные воспоминания о себе. А слова о любви... — усмехнулся. — Это были просто слова. Они карман не тянут. Обещать, не значит жениться. А говорить о любви, не значит любить...

— Какой же ты мерзавец. — процедила я, а из глаз выкатились две предательские слезинки.

Больше всего на свете мне хотелось подскочить к Ярцеву и отхлестать по лицу до кровавых пузырей на губах...

Но сил на это не осталось. Ноги подвели, а руки опустились. Вернее, не просто опустились, а повисли плетьюми.

И всё, что я могла сделать, это упасть в кресло и отвернуться в сторону.

— И что будем делать дальше? — спросила, с трудом совладав с собой. Вопрос этот был насущным, поскольку жила я в квартире Руслана.

— Я возвращаюсь в Питер, Варя. А квартиру эту я продам.

— Понятно...

— Оставаться здесь я не буду, номер в гостинице забронировал. Разделаться с жильем хочу побыстрее, поэтому прошу тебя не затягивать со сбором вещей. До среды управишь-

ся? Грузчиков я найму, только скажи, как будешь готова съе-
хать.

— Хорошо. — это всё, что я смогла из себя выдавить.

В комнате повисло тяжелое, гнетущее молчание. Потом Руслан прошел в спальню, пробыл там минут десять и вер-
нулся в гостиную.

Погасил горящие на столе свечи, тяжело вздохнул и ска-
зал.

— Я поеду, Варь. Напиши, как будут собраны коробки. Я
договорюсь с машиной и мужиками. Сама только не таскай
тяжести, не надрывайся. Ключ можешь оставить соседке, я
потом заберу.

— Прощай, Руслан. — я так и не повернула головы. Не
хотела смотреть на человека, который так легко и жестоко
разбил мне сердце.

— Прощай, Варя.

Спустя минуту дверь за Ярцевым захлопнулась, и еще де-
сять я провела в полной прострации.

Просто сидела и смотрела в одну точку.

А потом схватила телефон и набрала мамин номер. Она
единственная, кому я могла позвонить в такой момент.

— Мам, приезжай, пожалуйста, мне очень плохо...

Глава 6

Мама была у меня спустя сорок минут. Домчалась по жутким столичным пробкам так быстро, как только смогла.

Как только я открыла дверь, пулей влетела в прихожую. И тут же ужаснулась, увидев мое бледное лицо и заплаканные глаза.

Быстро разделась, бросила сумочку на банкетку и приобняла меня за плечи.

— Доченька, что такое? Опять эта чертова семейка тебя достает? Что они сделали?

— Нет, это не Пустовит. Это Руслан. Он меня бросил.

— Как бросил? — от шока у мамы почти отвисла челюсть. — Почему? У вас же всё так хорошо было.

— Я тоже так думала, — как я ни старалась, предательский всхлип вырвался из горла, а слезы ручьями полились по щекам. — А он приехал, сказал, что любит другую женщину, и потребовал в течение нескольких дней освободить квартиру.

— Да что ж такое-то делается. — мама охнула и покачала головой. — М-да. Не зря, похоже, говорят, что беда не приходит одна. Так, милая, давай вот что сделаем. Иди-ка ты в ванную, умойся и постарайся успокоиться. А я пока заварю чай. И ты мне всё-всё расскажешь.

Спустя пятнадцать минут мы с мамой сели за стол, и я рас-

сказала ей о некрасивой сцене расставания, разыгравшейся между мной и Русланом.

Говорила медленно, с перерывами, во время которых успокаивала расшатанные нервы травяным чаем.

Чай, кстати, помог. Рыдания стихли, поток слёз иссяк, и я смогла довольно внятно всё рассказать.

— Вот и итог этих постоянных разъездов. — проворчала мама. Хотя Руслана я не оправдываю. Жены мужей с вахт ждут месяцами, а жены моряков и по полгода. И ничего, живут, растят детей. А этот быстро себе новую любовь нашел. Жаль, была о нем лучшего мнения.

Я уныло помешала ложечкой варенье в мисочке и тихо произнесла:

— Может, он просто не любил меня никогда. Пользовался как удобной игрушкой, коротал время, развлекался, пар спускал. Потому и жениться не предлагал. Так, временный аэродром обустроил. А сам ждал настоящую любовь. Вот и свела судьба, причем в родном городе. Какая злая ирония.

— Прости, милая, — мама подарила мне сочувственный взгляд. — Но думаю, что в этом ты права. Любил бы сильно — не завел бы новую любовь за полгода. Когда любят по-настоящему — такого не происходит. Тем более что Руслан постоянно к тебе в Москву ездил. Слишком часто, чтобы чувствовать себя одиноким. Ты, главное, себя не вини. В том, что недодала ему что-то, или что-то не то сделала. Он ушел потому, что так захотел, потому что не любил, а пустыми

словами бросался.

— И как же мне с этим жить дальше, мам? Я ведь все эти месяцы жила лишь ожиданием наших встреч. Так много запланировать успела. Особенно за последние пару дней. Думала, что уеду с Русом в Питер и там мы обустроим наше семейное гнездышко. А он приехал лишь для того, чтобы меня бросить и выставить из квартиры. И даже про мой день рождения не вспомнил.

— Ну как жить? Как и до Руслана жила. С уходом мужчины жизнь ведь не заканчивается. Всё у тебя будет хорошо. Главное, не раскисай. А время поможет залечить раны и обязательно подарит новую любовь. Еще радоваться будешь, что судьба от Ярцева избавила. Он просто не твой человек, вот и всё.

— Хотелось бы в это верить, — мамин оптимизм мне не передался, но всё же немного приободрил.

— Знаешь, — мама обхватила себя за плечи, а взгляд ее заволокла белесая пелена грусти. — Когда умер твой папа, я чуть с ума не сошла от горя. Очень плохо было. Думала, не выдержу, сломаюсь.

— Но не сломалась.

— Не сломалась, потому что у меня была ты. Я не имела права сломаться и оставить тебя на произвол судьбы. Вот и выдюжила: и вырастила, и выучила. Если Олег нас видит оттуда, он наверняка тобой очень гордится. Да и мной тоже.

— Только вот у тебя была я, а у меня нет очаровательной

дочки в наличии.

— Зато у тебя есть я. Разве этого мало? — мама сделала такую забавную рожицу, что я впервые за этот тяжелый вечер улыбнулась.

Сквозь слёзы, но улыбнулась. В груди стало очень-очень тепло от маминой поддержки. Ее любовь была почти осязаемой.

И в этот момент мама своей любовью укутывала мою душу точно так же, как в детстве одеялом.

— Конечно, немало, мам. Ты же самый родной мой человек. Ради тебя я буду держаться.

— Вот и славно, — мама крепко сжала мою ладонь своими. — Ты у меня сильная, доченька. Обязательно справишься со всеми бедами. А я помогу чем смогу. Черная полоса в твоей жизни рано или поздно, но закончится. Просто надо потерпеть пока. Чуток потерпи, а потом обязательно станет легче.

— Буду держаться, мам.

— Прорвемся, моя хорошая. Мы обязательно прорвемся. А теперь давай о насущном. Твоя комната тебя ждет. Я возьму на работе три дня отгулов, у меня накопилось, и помогу тебе собрать и перевезти вещи.

— Да я и одна справлюсь, ты чего?

— А ничего. Не хочу я оставлять тебя одну в таком состоянии. Да и вдвоем быстрее будет. Так что не спорь даже. Сказала, помогу с переездом, значит, помогу.

— Ладно, сдаюсь.

— То-то же, — мама наставительно подняла палец вверх.

— А сейчас допивай чай и ложись. Тебе надо отдохнуть. А я пока уберу со стола. Не пропадать же еде.

— Я помогу, мам. Вдвоем и тут будет быстрее.

В четыре руки мы управились быстро. Чистые тарелки отправились в шкаф, судочки с едой в холодильник, а грязная посуда была перемыта и разложена по кухонным шкафчикам.

И когда последняя тарелка отправилась на свое законное место, я всё же задала вопрос, который давно меня мучил.

— Мама, скажи, ты вот говорила, что время дарит новую любовь.

— Да, так и есть.

— А что насчет тебя? — с интересом на нее посмотрела.
— Ты после смерти папы так и не вышла замуж. Так никто и не пришелся по душе? Или кто-то понравился, но ты ему отказала из-за меня?

— Варь, ты у меня всегда была в приоритете. Это факт, и это нормально для матери, любящей своего ребенка. А в остальном, понимаешь... — мама мечтательно закатила глаза. — Твой папа задал очень высокую планку. Такие мужчины и в моей юности редкостью были, эксклюзивные экземпляры, как сейчас модно говорить. И я так и не встретила никого похожего на него. Даже отдаленно. А на меньшее была уже несогласна. И знаешь, ни о чем не жалею. Лучше быть

одной, чем с кем попало. Плюс ты выросла замечательным человеком, без душевных травм. И уже от этого я бесконечно счастлива.

— Понятно теперь.

— Только не зацкливайся на этом, милая. Ты не повторишь мою судьбу, любящего человека обязательно встретишь. Я уверена.

— Что ж, поживем-увидим. — снова улыбнулась я.

Хотя даже представить пока не могла, как смогу снова довериться мужчине после предательства Ярцева, да еще и такого циничного.

Как смогу пустить кого-то не только в постель, но и в сердце. Это мне казалось таким же нереальным, как туристические поездки на Юпитер.

Но маму расстраивать не хотелось, поэтому эти печальные размышления я оставила при себе и просто сказала:

— А вот теперь можно и спать идти.

— Спокойной ночи, милая.

— Спокойной ночи, мама, — отозвалась я и обернулась у порога кухни. — Мам?

— Что такое?

— Я хотела сказать, что если ты снова влюбишься...

— Боже, ты что? — у мамы глаза на лоб полезли. — Мне почти пятьдесят, какое тут влюбишься?

— Так всего пятьдесят, а не семьдесят. Ты же у меня красавица, мам, и выглядишь молодо. Тебе незнакомые люди

дают от силы сорок лет. Еще есть время влюбиться.

— Ой, да ну тебя, — мама замахнулась на меня полотенцем, а я улыбнулась.

— Я просто хочу сказать, что если встретишь мужчину, который тебе понравится, с которым захочется быть рядом, то я тебя поддержу. Главное, чтобы человек был хороший. Я за вас искреннее порадуюсь. И папа тоже хотел бы, чтобы ты была счастливой, а не носила вечный траур.

Мама в ответ на это лишь головой покачала, как бы отрицая всякую возможность новых отношений. А мне очень захотелось, чтобы она действительно встретила достойного мужчину, который бы ее холил и лелеял.

Она, как никто, заслужила это.

— Ладно, теперь уже точно спокойной ночи, — я поцеловала маму в щеку.

— Спокойной ночи, милая.

Глава 7

Не знаю, как бы я справилась одна. Слишком тяжело было собирать вещи. Наверное, зависала бы надолго, наткнувшись на очередную памятную вещьцу.

И сидела бы, уставившись в одну точку и растворившись в счастливых воспоминаниях.

Но мама была рядом и не позволяла мне растекаться печальной лужицей по дивану. Она меня тормозила, подгоняла, и в итоге на второй день все было упаковано в чемоданы и коробки.

Взяла я самое основное: свои вещи, книги, технику, верхнюю одежду. А всё, что хоть как-то напоминало мне об отношениях с Русланом, оставила в квартире: фотоальбомы, статуэтки, сувениры.

И все его подарки тоже оставила, всё, включая украшения. Пусть сам решает, что выкинуть, а что передарить своей женщине.

А мне ни к чему лишние напоминания о боли.

На шкатулку с украшениями положила написанную от руки записку. Чтобы знал, что я их вернула ему, а не просто забыла.

Мама, кстати, сказала не звонить Руслану, а сама нашла грузчиков с фургоном.

— И без его вшивой помощи обойдемся, — сказала как

отрезала. — Слава богу, не дурные и не беспомощные.

И в этом я полностью была с ней согласна.

В итоге к вечеру вторника переезд закончился. Я переехала к матери, и мы также в четыре руки быстро разложили мои вещи по полкам и шкафам.

Ключ, как и просил Рус, я оставила соседке Елизавете из сто двадцатой квартиры. И обо всем этом тут же отписалась Ярцеву.

Что удивительно, он перезвонил мне буквально через пять минут.

— Варь, что значит, ты уже переехала к матери? Я же просил дать мне знать.

— А зачем, Рус? Мы не стали тратить твоё драгоценное время. — не сдержала я сарказма. — Грузчиков в городе полно, так что мы прекрасно справились и без тебя.

— Зачем ты так, Варя? — в голосе бывшего послышались нотки осуждения. — Я ведь просто хотел помочь. Надеюсь, вы хоть сами не носили тяжести?

— Ярцев, хватит этой показной заботы. И не растрачивай свою помощь зря. Иди своей Миленочке помогай. Ей нужнее. Прощай...

Жаль, что выдержать ледяной тон и достойно сбросить вызов оказалось легче, чем справиться с собственными чувствами.

После переезда на меня накатила полная апатия. Мне было не к кому идти, некуда торопиться, и я потеряла всякое

желание вставать с кровати.

Даже искать работу не хотелось. Я полностью ушла в себя, отрешившись от болезненной реальности.

Мама уходила на работу, а я находила в себе силы лишь на то, чтобы мыть за собой посуду.

А все остальное время либо дремала, либо смотрела дурацкие мыльные оперы по стриминговому сервису.

Больше ни на что меня не хватало.

Ужин в «Лагуне» по случаю дня рождения я отменила, конечно же. Не в том состоянии была для выходов в свет.

Вообще не хотела про свой праздник вспоминать, хотела завернуться в одеяло, лечь в уголке и чтобы меня никто не трогал.

Но мама допустить такого уныния не могла. Она сама устроила для меня праздник. Купила цветы, приготовила ужин и испекла торт. Такой, какой всегда пекла в детстве. Даже свечи в коржи понатыкала...

Конечно, это не могло оставить меня равнодушной. Я немного взбодрилась, от души поблагодарила и крепко обняла маму.

И свечи на торте задула, загадав желание, чтобы всё в моей жизни поскорее наладилось.

В общем, на этот вечер хандра отступила, и мы вполне себе душевно посидели с мамой.

А уже ночью внезапно пришло сообщение от Ярцева.

«С Днем Рождения, Варя. Я искренне желаю счастья тебе.

Пусть у тебя в жизни всё сложится».

Это пожелание прозвучало для меня как издевка. Я не понимала, как он так может.

Сначала разбил сердце, вышвырнул из своей жизни, как бродячую кошку, а теперь шлет поздравления.

У него самого есть вообще сердце?

Психанув, я стерла все его сообщения и отправила номер в ЧС. Чтобы не травил больше душу.

Ну и всё настроение, которое так старательно создавала мне мама, сразу же рухнуло в трубу.

И апатия накрыла с новой силой.

Теперь я ночами мучилась бессонницей и лежала, пялясь в потолок, а днями спала как сурок.

Начала мучить слабость и постоянная тошнота. Целую неделю я так промучилась, курсируя между спальней, кухней и уборной.

А через неделю, застав меня у унитаза, мама отправилась в аптеку. И вернулась оттуда с тестами на беременность.

— Мам, ты серьезно? — в шоке уставилась на нее.

— Более чем. — пожала она плечами. — Ты же не будешь меня уверять, что у вас с Русланом не было интима полгода?

— Нет, конечно, мы в прошлый его приезд занимались любовью очень активно... — и только тут до меня доходит.

Я сопоставляю сроки прошлого приезда Руса, вспоминаю даты последнего цикла и понимаю, что у меня действительно задержка.

Конечно, сбои у меня и раньше бывали, но и беременность тоже исключать было нельзя. Резиной мы с Ярцевым не пользовались, он ее не любил. А гробить свой организм таблетками не хотела уже я.

Да и хотела я малыша, что врать самой себе. Как раз думала, что пора на эту тему поговорить с Русом.

Но теперь Руслана рядом нет, а у меня задержка.

— Думаешь, я беременна, мам?

— Ну а что тут думать, тебя положит уже сколько дней. И это точно не отравление, я-то готовлю всё свежее. Иди сделай тест. А потом будем смотреть. Потому что если ты не беременна, тогда тебе надо к гастроэнтерологу. Тошнота не возникает просто так. Давай, не тни время.

И я действительно сделала тест. Даже три — и на всех отчетливо проявились две алые полоски.

Кажется, слова Ярцева оказались пророческими — он действительно оставил мне после себя подарок.

В больницу мы с мамой поехали через два дня, у Марьяны Семеновны, нашего гинеколога, как раз было окно.

— Ну что я могу сказать, — улыбнулась Марьяна, водя «внутренним» датчиком УЗИ. — Вот оно — плодное яйцо. Размерами соответствует предполагаемому сроку зачатия, прикрепление по передней стенке. Есть небольшой ги-

пертонус, но это нестрашно. С современным ритмом жизни он скоро будет у каждой первой. Оставлять будем, я надеюсь?

— Конечно, — отвечаю без раздумий и вытираю выступившие на глазах слезы. Но на этот раз — слезы удивления и счастья.

Какие тут могут быть раздумья, когда судьба подарила мне такой невероятный подарок?

Пусть Руслан никогда меня не любил, но я-то его любила всей душой. И малыша буду любить втройне сильнее... Ведь в грехах отца он не виноват.

Как там говорила мама, она не сломалась, потому что у нее была я? Вот и мне нельзя ломаться, потому что у меня теперь есть не только самая лучшая мама на свете, а еще и самый лучший малыш...

— Ну что, Варь? — мама тут же встрепенулась, когда я вышла из кабинета с кучей бумаг в руках.

— Поздравляю тебя, мам. — на этот раз слез в глазах не было, а улыбка была по-настоящему счастливой. — Ты действительно скоро станешь бабушкой.

Глава 8

— Ну и что планируешь делать? — спросила мама, когда мы вернулись домой. — Руслану расскажешь о ребенке?

— Как ты это себе представляешь? Позвонить и сказать: извини, дорогой, но отделаться от меня не получится, потому что я жду ребенка? Он же там настроился уже на счастливую жизнь со своей возлюбленной. А тут я подкину «подарочек» ...

— Ну, знаешь ли, — мама сердито поджала губы. — Этот подарочек тебе Руслан же и оставил. Я, конечно, буду рада внуку, но поступка Ярцева не одобряю. Мог бы и защиту использовать, если уже тогда собирался тебя бросить. А лучше вообще бы не тащил тебя в койку, а сказал правду и просто ушел. А так дело сделал и в кусты свалил. А ты должна теперь одна ребенка поднимать? Так не годится. Мужчина должен нести ответственность за свои поступки. Тебе что, алименты лишними будут? Точно нет. Да и ребенку нужен отец, как ни крути. Так что я считаю, что ты должна рассказать Ярцеву о беременности.

Умом я понимала, что мама права. Но раненая гордость и обида были с ней не согласны, они твердили, что нужно молчать.

Что Рус сам отказался от нас, а значит, недостоин того, чтобы знать о малыше.

А обострялось всё внезапно вспыхнувшими страхами. Раньше я и подумать плохого о Ярцеве не могла.

А теперь в голову лезло самое дурное. Что эта беременность станет для него костью в горле, и он решится отправить меня на аборт.

Чтобы ничто не мешало их с Миленой счастью.

Поэтому звонить Ярцеву у меня не было никакого желания. Хотелось защитить и нерожденного малыша, и свое душевное спокойствие сохранить.

— Не знаю мам, — тяжело вздохнула. — Правда в твоих словах есть, но... Что, если Руслану не нужен ребенок? Это же такая помеха его планам. Наверняка его пассия устроит скандал до небес. И она ведь может вынудить Руса отправить меня на прерывание.

— Ну тогда это будет вообще дно, милая. Но в любом случае никто силой тебя на аборт отправить не сможет, это противоправное деяние. Максимум — просто откажется от ребенка на словах и потребует больше не беспокоить.

— И что потом? Идти по судам, выбивая признание отцовства и алименты? — я горько усмехнулась. — Нет, я на это не подпишусь. Не хочу унижаться.

— Зачем? — мама пожала плечами. — Откажется от своего ребенка — бог ему судья. Сами вырастим и воспитаем. Просто ты свою совесть очистишь. Будешь знать, что сделала всё, что могла для того, чтобы у малыша был отец.

— Ладно, мам, я подумаю. Сейчас я точно не готова раз-

говаривать с Русом, мне еще слишком больно. А потом... Может, и найду в себе силы позвонить и рассказать о беременности. Пока же мне нужно думать о том, как жить дальше. Очень не вовремя я осталась без работы. А кому нужна беременная сотрудница, которая через полгодика уйдет в декрет? Правильно, никому. А ведь малышу столько всего купить нужно.

Да, эйфория от новости о беременности схлынула, а не слишком благодостная реальность осталась.

Реальность, в которой мне нужно было не слезы лить ночами напролет, лелея разбитое сердце, а думать, как теперь жить дальше.

Как растить, кормить и одевать моего малыша или малышку. Это ведь недешевое удовольствие.

— Милая, главное, не сгущай слишком краски. Не хватало еще в депрессию впасть.

Мама села рядом и мягко меня обняла за плечи. И продолжила объяснять как особо непонятливому клиенту в банке:

— Ну и черт с ним, с этим Ярцевым. Пусть идет лесом, если не захочет помогать собственному ребенку. И без него справимся. Смотри, у меня есть сбережения, там немаленькая сумма. У тебя, думаю, тоже какой-то депозит есть.

— Конечно.

— Ну вот, плюс ты работала до последнего времени, так что будут хорошие послеродовые выплаты плюс маткапитал.

Так что на приданое малышу хватит. На первое время кроватку с комодом поставим в твоей комнате, а как малыш подрастет, можно будет перепланировку сделать, обустроив из спальни две смежных комнаты, метраж позволяет. Тесно нам троим точно не будет. А с работой что-нибудь придумаем обязательно. Не ты первая в таком положении, уж поверь. Так что найдем выход.

— В принципе, я могу устроиться на удаленку, — оживилась я от внезапно снизошедшего озарения. — Сейчас многие так работают. Или полностью во фриланс уйти.

— Ну вот видишь, — мама рассмеялась. — Из любой ситуации есть выход. Так что не унывай, всё у нас с тобой будет хорошо, моя девочка. Вы у меня обязательно будете самыми счастливыми на свете.

— Спасибо, мам, — не сдержав эмоцией, я кинулась к ней на шею и крепко обняла, — Спасибо за то, что ты у меня есть, родная. Я очень-очень сильно тебя люблю...

Следующие недели пролетели как один миг. Что и неудивительно, впрочем. Мне было чем заняться.

Нужно было встать на учет по беременности, сдать анализы, ходить по врачам. А еще параллельно искать работу.

Днем я много гуляла в парке, дышала воздухом, а вечером шерстила сайты и рассылала резюме, куда только могла.

О Ярцеве думать себе запретила, чтобы не расклеиться

снова. Было всё еще больно от его предательства, а навредить малышу я не хотела. Ведь даже на таком раннем сроке все материнские переживания передаются ребенку.

Так что пока я жила в моменте, одним днем. Делала то, что нужно здесь и сейчас, а в будущее старалась не заглядывать. Для каждого дня достаточно своих забот, как сказал один мудрец.

Пока я просто выстраивала жизнь заново, пила витамины, привыкала к тому, что скоро у меня родится ребенок.

С мамой мы долго говорили на эту тему. Мама не рисовала мне мир розовых пони, а говорила правду, все как есть.

— Будет тяжело, Варенька. Это только в кино родители новорожденных вечно бодрые и веселые. А в жизни будут и колики, и зубки, и температура. И много чего еще, как приятного, так и не очень. И рожать будет непросто. Так что настраивайся уже сейчас. И помни самое главное: несмотря на все трудности, нет большего на свете счастья, чем быть мамой.

В этом я уже была полностью согласна с мамой. Поэтому действительно начала готовиться: смотрела ролики в сети, тщательно следила за временем приема витаминов, даже дневник будущей мамочки завела.

А еще заметила на будущее курсы для рожениц, в которые было включено всё: от акваэробики до обучения дыхательной гимнастике при схватках.

Это будет отдельная статья расходов, но я считала, что она

того стоит.

В пятницу меня занесло и в детский магазин. Очень уж хотелось присмотреться к детским вещам.

Потерялась я там часа на два, если не больше. С улыбкой рассматривала боди, комбинезоны и шапочки всевозможных фасонов и расцветок, крошечные ботиночки и конверты на выписку.

А также приценивалась к стоимости мебели, колясок, ходунков, манежей и прикидывала в уме, что может еще понадобится в самые первые месяцы.

Цены действительно кусались, но настроение мне это не испортило. Ничего, ужом извернусь, но у моего малыша будет всё необходимое.

Мама сказала, что сегодня задержится, так что ждала я ее к семи часам. Испекла печенье, приготовила картофельно-мясную запеканку и салаты. Ну и накусочничалась в процессе, конечно. Растущий под сердцем организм отчаянно требовал подпитки.

— Да, мама, ты уже подъезжаешь? — опустив противень в раковину, сполоснула руки и приняла вызов.

Но вместо родного до боли голоса услышала холодно-отстраненное чужое приветствие и вопрос:

— Вы Туманова Варвара Олеговна?

— Да, это я, — ответила, уже чувствуя, что произошло

что-то ужасное. Сердце болезненно сжалось, а дыхание застряло где-то на пути к гортани.

Я даже боялась представить, что могло случиться с мамой, но мысленно начала молиться, чтобы всё обошлось.

Мама единственный родной мне человек, и я не выдержу, если с ней что-то случится.

— Ваша мама, Туманова Светлана Аркадьевна после ДТП была доставлена в тринадцатую клиническую.

— ДТП? — спросила, чувствуя, как немеют от ужаса губы.

— Да, ее сбила машина на переходном переходе...

Глава 9

Варя

Май.

До больницы я добралась почти в беспамятстве.

Даже не сообразила сразу, что машина припарковалась на стоянке больницы. Таксисту пришлось дважды меня окликать, чтобы вырвать из стрессового забытья.

Встрепенувшись, рванула было на выход, но водитель, полноватый мужчина лет пятидесяти, тут же меня тормознул:

— Э, девушка, вы куда? А платить кто будет? Это вам не муниципальный автобус, чтобы попытаться проехать зайцем.

— Простите, бога ради, — дрожащими пальцами выуживаю кошелек из недр сумочки и протягиваю водителю купюры. — У меня просто маму машина сбила, она сейчас в больнице. Поэтому я немного не в себе.

— Ох, сочувствую, — возмущенный тон тут же сменяется на сочувственный. — Понимаю, тяжело, когда случается такая беда. Пусть с вашей мамой всё будет хорошо.

— Спасибо большое. И до свидания.

Наконец, машина уезжает, а я сомнамбулой добредаю до ближайшей лавочки и опускаюсь на нее.

В голове сплошной туман. Мне всё еще не верится, что

это могло произойти с моей мамой.

Она же всегда так аккуратно переходит дорогу. Как ее вообще умудрились сбить?

В районе ее работы очень удобные перекрестки, везде светофоры, участок полиции рядом.

Я ломаю себе над этим голову, но ответа так и не нахожу. Но успеваю порадоваться, что поехала на такси.

В таком состоянии я бы просто не доехала сама. Врезалась бы в какой-нибудь столб по дороге.

Хорошо хоть осторожность взяла вверх даже в затуманенном сознании. Я понимала, что маме нужна живой, а не мертвой или покалеченной.

Да и ребенком рисковать не хотелось. Вот и вызвала такси.

Еще пару минут посидела на лавочке, а как только в голове прояснилось, встала и направилась к главному входу.

В регистратуре меня отправили на третий этаж, в отделение травматологии и ортопедии. Сказали, что маму из приемного покоя перевели туда.

На хлынувшем в кровь адреналине поднялась наверх и сразу же кинулась к сестринскому посту, на котором сидела молодая медсестра

— Здравствуйте, — затараторила, даже не дав себе перевести дыхание. — Я дочь Тумановой Светланы Аркадьевны, она к вам поступила после ДТП. Внизу мне сказали, что ее перевели к вам.

— Так, минутку, — девушка уткнулась в монитор и на-

чала что-то печатать. — Да, она поступила к нам в состоянии средней тяжести. Ее почти сразу увезли в операционную. Там медлить было нельзя, открылось внутреннее кровотечение после разрыва селезенки. Плюс еще непростой перелом...

— О господи... — перед глазами помутилось, и я схватилась за надстройку поста, чтобы не упасть.

— Девушка, вам плохо? — тут же засуетилась медсестра, вскочив со своего места. — Лиза, быстро на пост! Тут человеку плохо.

Девушка, на бейдже которой было написано Настя, обняла меня за плечи, довела до дивана, усадила и подала стакан воды из кулера.

— Как вас зовут?

— Варвара, можно просто Варя, — тихо ответила я и сделала пару глотков воды.

— Варя, успокойтесь, пожалуйста, ваша мама в надежных руках. Доктор Леонидов ее оперирует, он наш лучший хирург. Руки золотые у него. Но надо подождать, операция будет длиться еще пару часов. Держитесь.

— Постараюсь, — к горлу внезапно подкатил приступ тошноты, и я зажмурилась, закрыв рот ладонью.

— Что с вами? — тут же подобралась медсестра. — Сердце? Головокружение? Черные мушки перед глазами?

— Тошнит просто ... — выдохнула... — Я беременна...

— Тогда тем более вам нельзя нервничать. Дышите, Варя.

Глубоко дышите. Вдох-выдох-вдох. Давайте, станет легче...

Дыхательная гимнастика действительно помогла, и тошнота отступила. А Настя мне еще стакан воды с успокаивающими каплями принесла.

— Вот, выпейте. Успокоит нервы. Беременным их можно.

Я кивнула и выпила предложенные капли. И уже спустя минут десять почувствовала, как меня отпускает.

Сознание прояснилось, слезы иссякли, и дрожь тоже прошла.

— Ну вот, вижу, что вам уже лучше, — подошедшая Настя улыбнулась. — Смотрите, Варя, у нас здесь комната ожидания для родственников. Первая дверь справа в левом коридоре. Как только операция закончится, врач к вам подойдет. Там есть автоматы с едой и напитками. А на первом этаже круглосуточная столовая.

— Спасибо, Настя. Я подожду в комнате для посетителей.

До комнаты ожидания я добраться не успеваю. Сталкиваюсь с сотрудником полиции, который приехал узнать о состоянии пострадавшей.

От него я и узнала, что произошло. Маму сбил на пешеходном переходе бухой мажорик на лексусе.

Мама переходила, как и обычно, на зеленый свет. А этот урод неся на высокой скорости и тормозить начал слишком поздно.

Маму спасло только то, что машина задела ее по касательной и отбросила на асфальт.

А эта мразота на лексусе даже не остановилась, наоборот, прибавила скорость и скрылась с места происшествия.

И, судя по тому, как начал морозиться товарищ лейтенант, о справедливости в этом случае можно только мечтать.

Слишком влиятельный отец у этого недоноска.

— Марк Юрский сейчас в КПЗ, — сказал лейтенант, поморщившись. — Но сами понимаете, еще до полуночи он оттуда выйдет. И из суда его отпустят под залог.

— Вы сейчас на что-то намекаете? — сил мне придавала сейчас только холодная злость.

Я злилась на урода, опьяневшего не только от алкоголя, но и от вседозволенности, на прогнивший мир, которым правят деньги, и на этого мента, не горящего желанием блюсти интересы пострадавших.

— Я вам прямым текстом говорю, гражданка Туманова. Вам лучше договориться с Юрскими о мировом соглашении. Для вас это наилучший выход. Получите вы по договору гораздо больше, чем отсудите.

— А если мама... — я осеклась, не в силах выговорить страшное слово умерет. Не хотелось накликать беду плохими мыслями.

Думала, что увижу хоть тень сочувствия на лице стража порядка, или подсказку, что лучше делать. Не знаю, идти в прокуратуру или сразу в СК.

Но вместо этого слышала холодное.

— Даже в случае летального исхода, гражданин Юрский Марк Денисович не сядет, это сто процентов. Так что соглашайтесь на то, что вам предложат. Это единственный для вас вариант.

— У вас ко мне всё, товарищ лейтенант Полетаев? — спросила, с трудом подавляя гнев.

Сил не было смотреть на эту циничную сволочь.

— Да, всё, можете идти.

После этого разговора я чувствовала себя не только разбитой, но и словно оплеванной.

Кое-как добравшись до комнаты ожидания, села на самый дальний стул и уставилась невидящим взором в одну точку.

При этом в голове крутился каскад жестоких вопросов: за что мне все это? Меня, что, кто-то проклял?

Сначала выгнали с работы, потом бросил жених, а теперь мама борется за жизнь на операционном столе. И всё это на протяжении короткого времени.

Что за сундук несчастий опрокинулся на мою голову? Вроде не успела я нагрешить за свою жизнь, чтобы ловить такие бумеранги.

Так за что на меня свалились все эти беды? Когда это всё кончится? И как выбраться из этой черной ямы и не сойти с ума?

Глава 10

Спустя долгих три часа ожидания, ко мне, наконец, подошел врач. Средних лет мужчина с сединой на висках и очень уставшим выражением лица.

— Вы дочь Светланы Тумановой? — спросил с таким серьезным выражением лица, что у меня сердце чуть не остановилось.

Боже, только не это! — замельтешили в мозгу панические мысли. Пусть не говорит, что мамы больше нет, ну, пожалуйста!

— Да, это я. Что с моей мамой?

— Операция прошла успешно. Кровотечение купировали, селезенку удалили, сломанную кость собрали с помощью спицы.

— То есть...

— Жизнь вашей мамы вне опасности. Ночь она проведет в реанимации, а уже завтра вы сможете ее навестить...

— Спасибо, спасибо вам большое, — от нахлынувшего облегчения голова снова закружилась и мне пришлось опуститься в кресло.

А слезы сами собой заструились по щекам.

— Ну-ну, не надо расстраиваться. — доктор улыбнулся.
— Всё будет хорошо. А вашей маме нужна будет поддержка, особенно в первое время, так что не расклеивайтесь... И

вообще, вам лучше поехать домой и отдохнуть. Бдить здесь всю ночь нет никакой необходимости. Поезжайте домой, отдохните. Всё остальное подождет до завтра.

Я послушалась совета хирурга и отправилась домой. Мне действительно нужно было отдохнуть и восстановить силы. Да и малышу нужен был покой.

В квартиру я зашла уже почти полностью обессиленной, переживания за маму меня окончательно измотали.

Даже в душ не смогла доползти. Только убрала со стола ставший уже ненужным ужин, выпила чашку успокаивающего чая, упала на кровать и заснула беспробудным сном.

После пробуждения первым делом позвонила в больницу, узнала, что с мамой всё в порядке и что после двух я уже смогу приехать и навестить ее.

И только потом занялась собой. Постояла под душем минут сорок, смывая с себя запахи больничных антисептиков, страха и отчаяния.

А после отправилась на кухню и плотно позавтракала, утолив разыгравшийся аппетит.

И жизнь сразу стала казаться не такой мрачной. Главное, что мама жива, а с остальным я обязательно справлюсь.

В поисковик я полезла уже после того, как выпила чай. Хотелось узнать подробности аварии и увидеть виновника.

Правда, лучше бы я этого не делала. В новостных пабли-

ках столицы уже вовсю крутились ролики с места ДТП.

От просмотра которых мне снова стало плохо.

Я несколько раз просмотрела видео, чувствуя, как в душе закипает злость. Урод, даже лица водилы видеть не надо было, чтобы понимать, что за рулем сидел урод.

Господи, он сбил мою маму, как кеглю в боулинге, и даже ни на секунду не затормозил. Наоборот, газу поддал и скрылся за поворотом.

А свидетели наезда бросились к маме и вызвали скорую. На видео всё было четко видно...

После этого я начала пробивать имя. Надо же было узнать, что за мразь сидела за рулем и что там за семейка, перед которой так раболепствовал лейтенант.

Итак, что мы имеем? Марк Юрский. Двадцать лет, брюнет, смазливый до отвращения и до последней степени омерзения наглый.

У него на лице все пороки мира были написаны: похоть, ложь, злоба, хамство, чревоугодие, тяга к выпивке, а то и к чему похуже.

Он явно привык к вседозволенности, поэтому и творил, что хотел. У меня глаза полезли на лоб от списка правонарушений только за последний год: больше тысячи штрафов за превышение скорости, нетрезвое вождение, драки, дебоши, хулиганство.

Даже ежу понятно, что влиятельный отец всё это покрывает и выгораживает сыночка всеми правдами и неправдами.

А тот, чуя безнаказанность, всё сильнее идет вразнос.

Теперь даже на вчерашнего лейтенанта злиться не получается. Может, он бы и рад был взять этого недоноска за жабры, да не может. Видимо, уже давали сверху по рукам. Чтобы знал свое место и не трогал золотого мальчика.

Господи, как же тошно-то от всего этого.

Бегло просматриваю активы Юрского-старшего и внутренне холодею: несколько банков второго уровня, сеть элитных супермаркетов, собственная авиакомпания, акции в нефтяном холдинге.

С таким финансовым монстром простому человеку тягаться не по силам.

На пять минут меня охватывает отчаяние. Которое быстро сменяется твёрдой решимостью.

Плевать. Пусть эти Юрские делают что хотят, но мы с мамой не продадимся. Никакого мирового соглашения не будет.

И если в итоге этот мажорчик выйдет сухим из воды, то пусть это останется на совести судьи и папаши Марка.

А у нас совесть будет чиста. Я буду знать, что сделала всё, чтобы добиться справедливого приговора.

По ночам я буду спать спокойно, зная, что не продалась. И надеяться, что семейке Юрских прилетит бумерангом рано или поздно...

Даже самые неприкасаемые и влиятельные могут однажды пасть. И этой поганой семейке мне хотелось пожелать

того же самого.

По дороге в больницу я заехала в цветочный и купила букет маминых любимых хризантем. Очень хотелось ее порадовать.

Палата у мамы была просторная, четырехместная. Одна койка пустовала, судя по казенно-заправленной кровати и пустой тумбочке, а еще две пациентки куда-то вышли.

Но мне это только на руку было, хотелось побыть наедине.

— Привет, Варя, — заведев меня, мама чуть приподнялась и оперлась спиной на подушки.

Выглядела она на удивление неплохо, разве что бледность бросалась в глаза. И голос был непривычно слабым. А от вида повязки на правой руке, сердце мое болезненно сжалось.

И я не выдержала, кинулась к ней, села на кровать и осторожно обняла.

— Господи, мама, я так испугалась за тебя... Думала, что больше не увижу живой...

— Ну-ну, не надо, моя хорошая. — мама погладила меня здоровой рукой по волосам. — Со мной всё хорошо, врачи дают благоприятные прогнозы. Так что давай, вытирай слезы и успокаивайся. Береги себя и моего внука.

— Как ты себя чувствуешь? — я пересела на стул и внимательно посмотрела на маму.

— На обезболивающем очень даже неплохо. Только

недавно, кстати, укол сделали, так что уже не болит. Соседки, кстати, хорошие, я познакомиться успела. Так что если думаешь о частной палате, то не смей тратиться. Деньги нам еще пригодятся. А мне в обществе комфортнее, чем в одиночке лежать.

— Я тебя поняла. — услышав привычные командирские нотки в мамином голосе, я улыбнулась. Это был хороший знак, если человек так держится, значит, скоро пойдет на поправку.

— Кстати, я привезла твои вещи: халат, белье, зубную пасту, косметику, зарядку от телефона. — Если еще что-то надо, скажи, довезу. Ну и цветы тоже тебе.

— Вот за цветы отдельное спасибо, — мама блеснула глазами. — Попроси на посту какую-нибудь бутылку. А то жалко, завянут...

— Конечно, сейчас.

Спустя десять минут цветы уже стояли в вазе. А мы с мамой еще долго говорили обо всем на свете.

Страхи меня еще не до конца отпустили, поэтому уходить не хотелось. Так что сидела до талого, пока медсестра со словами «время посещения закончено» не начала выпроваживать из палаты.

Поцеловав маму на прощание, я отправилась на поиски ее лечащего врача.

Пришлось подождать полчаса, зато я успокоила душу. Прогнозы были благоприятные, так что скоро мама должна

была встать на ноги...

Вышла из больницы я в самом хорошем настроении, и тут сзади внезапно раздался голос.

— Варвара Туманова?

— Да. Это я...— обернувшись, я увидела перед собой мужчину в деловом и явно очень дорогом костюме.

Высокий рост, темные волосы с легкой проседью, карие глаза и чисто выбритое, породистое лицо сразу бросились в глаза.

Мужчина явно был из тех, кого называли хозяевами жизни. Только вот откуда он меня может знать?

— Позвольте представиться, — мужчина подошел ко мне и скупно кивнул, — меня зовут Денис Валентинович Юрский. Я отец Марка, парня, который сбил вашу маму...

Глава 11

— Меня зовут Денис Валентинович Юрский. Я отец Марка, парня, который сбил вашу маму... — произнес мужчина, и у меня внутри всё похолодело.

Я моментально подобралась, прекрасно понимая, что ничего хорошего от этого визита ждать не стоит.

— И что вам от меня нужно, господин Юрский? — спросила холодно, хотя ответ и так был известен.

Хозяин жизни приехал защищать своего мерзавца-сыночка. Удивительно только, что сам решил прессинговать, а не свалил всё на адвокатов.

Надеется задавить авторитетом? Вогнать меня в ступор властью, деньгами и статусом? Или ему просто нравится запугивать других людей?

Да уж, воистину гнилое яблочко недалеко укатилось от порченной яблони.

— Варвара, скажите, как себя чувствует ваша мама? — спросил с деланной обеспокоенностью, и у меня натурально полыхнуло внутри.

— Стараниями вашего сына – не очень хорошо. Но могло быть куда хуже. И давайте без этого показного сочувствия, вы ведь приехали не потому, что вас волнует здоровье женщины, сбитой вашим наследничком.

Мужчина тяжело вздохнул, видно было, что не ожидал та-

кого отпора. Привык, видимо, что все падают кверху пузом и трясут лапками, едва заслышав его фамилию.

Привык, что всё продается и покупается. Даже людские жизни.

Но в этот раз нарвался не на тех.

— Варвара, послушайте. Давайте куда-нибудь поедем и поговорим спокойно. Нам действительно это нужно.

— Никуда я с вами не поеду. Если есть что сказать, говорите здесь. Хотя я и так прекрасно знаю, что вы приехали предложить откуп.

— Варвара, — Юрский подошел ближе, снова вздохнул и небрежным жестом поправил сбившийся галстук. — Я понимаю ваше состояние. Мне искренне жаль, что ваша мама попала в больницу. И сына я ни в коем случае не оправдываю. Марк действительно виноват, и он ответит за то, что сделал.

— Но не по закону, да? — усмехнулась я, но этому хозяину жизни было плевать на мое горькое замечание.

Он считал себя правым во всем и наверняка считал, что своим предложением делает нам с мамой одолжение.

— По закону вам достанется меньше, Варвара. Гораздо меньше. А я предлагаю полностью возместить ущерб. Лучшая больница, лучшие врачи и лекарства для вашей мамы. Оплачу также весь период реабилитации и компенсирую в десятикратном размере потери в зарплате.

— А если бы мама умерла, что бы вы компенсировали? Место на кладбище, оградку, надгробие из мрамора? Госпо-

ди, что же вы за человек такой? Хотя чему я удивляюсь, если у вас такой сын.

Мне хочется хорошенько встряхнуть этого урода, схватить палку и хорошенько отколошматить, а потом плюнуть в лицо. Но я понимаю, что этот срыв мне будет не на руку, поэтому быю только словами.

Но господину Юрскому всё как об стенку горох. Он лишь морщится и продолжает меня уламывать.

— Повторюсь, Варвара. Я не оправдываю своего сына. Он далеко не ангел. Упустил я его в свое время...

— Упустили? Да вы сами его поощряете на беспредел! — выкрикнула я. — Я видела в сети список его правонарушений. Марк ваш не единожды оступился, он давно и уверенно катится по наклонной, а вы это одобряете. И в итоге дошло до того, что он чуть не убил человека вчера. Господи, он даже не остановился, сбил мою мать как кеглю и поехал дальше! И вы еще смеете его передо мной обелять? Только не говорите, что не видели ролики в интернете.

Судя по тому, как резко помрачнел Денис Юрский, все он прекрасно видел. Но сынка всё же побежал выгораживать.

— Да, Варвара. Марк перешел черту, и больше глаза на его проступки я закрывать не буду. Я отобрал у него ключи и права.

— Ох, какое строгое наказание....

— Это еще не все, я отправлю его на лечение в рехаб. И он не выйдет оттуда, пока не вылечится от пристрастия к ал-

коголю. Я даю вам слово, всё так и будет. Но я не могу позволить, чтобы Марк сел в тюрьму. Поймите меня правильно, он мой единственный ребенок, и я всё еще надеюсь сделать из него человека. А тюрьма этому не поспособствует точно. Поэтому предлагаю вам мировое соглашение. К счастью, ваша мама жива, и с моими деньгами мы ее быстро поставим на ноги. А с Марком разберусь я сам.

— Знаете, что, Юрский Денис Валентинович, — отошла от него на пару шагов. — Свое мировое соглашение можете засунуть себе в то место, где не светит солнце. И деньгами своими чертовыми можете подтереться. Не все в этом мире продаются. Я буду надеяться до последнего, что ваша кровиночка скоро окажется в тюрьме. А если даже нет, то бог вам судья, а наша с матерью совесть будет чиста.

— Зря вы рубите сплеча. Подумайте хорошенько, я вам предлагаю лучший выход. Суд будет бессмысленной нерво-трёпкой.

— Для вас, может, и да. Но не для меня и моей матери. Оставьте нас в покое и идите следите за своим недоноском.

— Надеюсь, вы всё же хорошо подумаете, Варвара. Я не желаю вам зла, поверьте. Всего лишь хочу помочь. Вот, возьмите, я буду ждать вашего звонка

Юрский протянул мне свою визитку, но я отдернула руку как от огня. И прошипела:

— Убирайтесь, Денис Валентинович. И не смейте приближаться ни ко мне, ни к моей матери. Иначе я напишу за-

явление о преследовании. А если это не поможет, обращусь в прессу. К счастью, в наше время общественный резонанс устроить легко. А скандалы ведь не на руку даже таким столпам общества, как вы, правда?

Больше я слушать ничего не стала. Развернулась, дошла до своей машины, запрыгнула в салон и выехала с территории больницы.

Но трясло меня еще долго. Раз за разом прокручивала в голове наш диалог с Юрским и зверела всё больше.

Чудовище. Этот мужчина — чудовище, властное, надменное, бессердечное и бессовестное. И породил такого же монстра.

Только ближе к вечеру успокаиваюсь и заставляю себя выкинуть Юрского из головы.

В конце концов, мне нужно думать о ребенке и беречь нервы. А этот тип пусть катится в свой золотой особняк и больше не приближается.

Глава 12

Утром меня ждал сюрприз. И я даже не знала, как к этому относиться.

Мама позвонила и сообщила, что ее перевели в платную, одноместную палату.

— Варя, ну зачем эти излишества? Я же говорила, что не надо разбрасываться деньгами.

— Мам, это не я, правда. Но я знаю, кто это сделал. Сейчас приеду и всё расскажу.

Стоило признать, палата у мамы теперь была как номер в хорошем отеле, с личным туалетом и душевой.

И врачи с медсестрами стали в разы внимательнее и обходительнее.

Это всё, конечно, было хорошо, но я-то знала, что это откровенный подкуп от Юрского. И снова начала злиться.

С мамой я поговорила откровенно, рассказала и об этом Марке, и о его бессовестном папаше с неприемлемыми предложениями.

— Да уж, — мама покачала головой. — Вот такие они, золотые детки. Избалованные вседозволенностью и богатством. Привыкшие творить беспредел. Чужая жизнь для них ничего не стоит.

— Там и папаша такой же. Соловьем разливался, лишь бы мерзавца своего прикрыть. В тюрьму сесть не дам, говорит,

сам накажу. Ага, как же. Пальчиком погрозит, недельку без машины подержит — вот и всё наказание.

— С одной стороны, — мама вздохнула, — его можно понять. Сын есть сын. . . .

— Но всему же есть предел, мам.

— Да, милая, есть черта, за которую нельзя переступать. И которую нельзя оправдывать. Но этот Юрский, видимо, считает, иначе. И нам, к сожалению, с ним не тягаться.

— Возможно, но и принципы продавать не стоит. — Я сжала руки в кулаки и встревоженно посмотрела на маму. — Ты же не собираешься брать с него деньги и идти на мировое?

— Нет, конечно, — мама возмущенно на меня посмотрела. — Ничего я подписывать не буду. Только что с этой палатой делать? Знала бы, кто ее оплатил, ноги бы моей здесь не было.

— А знаешь, — я прищурилась. — Ничего страшного. Всё равно виновник аварии по решению суда должен будет оплачивать лечение. Просто считай, что заплатил раньше времени. И отдыхай, глядишь, с таким присмотром и на ноги встанешь побыстрее.

— Ой, дай то бог. Не хочется в больнице долго валяться. С работы обзвонили уже, все расспрашивают, как у меня дела?

— Что, неужели потеряли уже тебя? Работать некому?

— Ну примерно, так, — мама улыбнулась. — Я же особо ценный специалист. Так что хотят, чтобы поскорее верну-

лась в строй. Завтра, чувствую, делегация посетителей придет.

— Зато скучно не будет, — рассмеялась я. — А то соседей по палате теперь нет, будешь развлекаться телевизором и приемом гостей...

Маме было значительно лучше, и это меня радовало. Хотелось, чтобы она побыстрее поправилась и эти дни в больнице забылись как страшный сон.

— Варя, что с тобой? — мама осторожно коснулась моей руки. Видимо, почувствовала, что со мной не всё в порядке. Ее показательными улыбками было не обмануть, она очень хорошо меня чувствовала. — Что тебя гнетет, девочка моя? Если за меня беспокоишься, то не надо. Видишь же, что на поправку уже иду. А тебе о маленьком надо думать. Это сейчас главное всего.

— Да знаю я, мам. Просто, — нервно вздохнула, — мне страшно, понимаешь? Ощущение такое, будто меня и правда проклинали. Сначала увольнение, потом разрыв с Русом и твоя авария. Я уже боюсь завтрашнего дня. Мало ли что еще может случиться.

— Знаешь, как говорят? Беда не приходит одна. Вот и сложилось одно к одному. Но теперь, думаю, всё закончилось.

— Правда так считаешь?

— Правда. Всё, что могло случиться плохого, уже случилось. Так что не надо думать о плохом, не программируй себя на неприятности. Не зря говорят, что мысли материаль-

ны. Думай о чем-то хорошем. Например, о том, как я приеду домой и испеку твой любимый пирог. Или как мы поедem на реку за город. Как будем выбирать мебель в детскую или как возьмешь на руки своего малыша...

— Кстати, об этом. — я не сдержала улыбки. — Позавчера я была в детском магазине, присматривалась. Там такой большой ассортимент, что у меня глаза разбежались. Хотелось купить всё и сразу.

— Это да. В мое время такого не было, а сейчас огромный выбор. Покупай, не хочу. Главное, чтобы были деньги. Кстати, — у мамы загорелись глаза. — Надо заказать пряжу в интернет-магазине. Надо уже начинать вязать переточки и шапочки.

— А твоя рука?

— Так пока придет посылка и рука заживет. А мелкую моторику развивать надо. Так что грех для внука или внучки не постараться. Самый модный малыш у нас будет, Варенька. Вот об этом и думай. И тогда всё обязательно будет хорошо.

— Ладно, обещаю. Теперь буду думать только позитивно.

— Вот такой настрой мне нравится — так держать. Главное, мы есть друг у друга. Остальное переживём вместе, — мама крепко сжала мою ладонь и тихонько напевала одну из своих любимых песен.

Москва тревог не прятала, Москва видала всякое,
Но беды все и горести склонялись перед ней.

Любовь Москвы не быстрая, но верная и чистая,
Поскольку материнская любовь других сильней.

Мама действительно шла на поправку быстро. Самочувствие было хорошим, насколько это возможно с такими диагнозами, анализы обнадеживающими.

Я приезжала каждый день и поддерживала маму, как могла. На второй день она уже начала понемногу ходить, и мы вместе прогуливались по палате, а потом по коридору и даже по лестнице спускались.

Через семь дней ей, наконец, сняли гипс с руки, а еще через пару дней назначили выписку.

И всё вроде было хорошо, но нервы и пережитый стресс в итоге дали о себе знать. Внезапно начал тянуть живот, отваливаться поясница и временами начала одолевать слабость.

Гинеколог, правда, меня успокоила, сказала, что раз нет кровянистых выделений, то беспокоиться не о чем. Обычная реакция на стресс.

Посоветовала больше отдыхать и прописала успокаивающие таблетки.

Вроде бы помогло, но перед маминой выпиской я снова набегалась: надо было убраться, закупить продукты, приготовить обед.

— Потерпи, мой хороший, — почувствовав, что снова начинает тянуть низ живота, я села, расслабилась и погладила

живот. — Сейчас бабушка вернется домой, и я буду больше отдыхать, обещаю.

Удивительно, но это сработало. Как будто бы малыш смог меня услышать, хотя на этом сроке это точно было невозможно.

Но тем не менее мне стало легче, и я начала собираться в больницу. Но для перестраховки вызвала такси. Лишний раз напрягаться мне было ни к чему.

На выписку я привезла маме ее любимое голубое платье с крупными цветами. Оно как раз идеально подходило по погоде и одевать его было удобно.

Рука пока слушалась плохо и была в ортезе, так что я помогла ей причесаться и собрать волосы на затылке.

Ну а с легким макияжем мама справилась сама.

— Ну вот, говорю же, ты у меня красавица. Даже после больницы. Колись, никакой красавчик-доктор к тебе не подкатывал тут, м?

— Ой, да ну тебя, — мама фыркнула. — Скажешь тоже. Я уже не молоденькая девчонка, чтобы за мной ухлёстывать, да еще и на больничной койке.

— А вот зря ты так. Может, просто отказываешься замечать знаки внимания?

— Варя!

— Всё-всё умолкаю, — со смехом дала заднюю и начала

собирать сумку. А мама сразу заволновалась:

— Варя, тебе вредно носить сумки.

— Ма, — вздохнула я, закинув спортивную сумку на плечо и взяв в руки пакет. — Ну не тебе же со швами и больной рукой их носить. Не переживай, они не тяжелые. Да и донести мне их всего лишь до такси. Пойдем, такси я вызову на улице.

Май в столице выдался очень теплым, а сегодня так вообще с самого утра припекать начало.

Так что на улице ждать такси и правда было приятнее. Я подошла к ближайшей лавочке, поставила сумки и открыла было приложение службы такси, как вдруг сзади раздался голос, от которого мороз пробрал по коже.

Чудовище снова явилось.

— Здравствуйте, Светлана. — Денис Юрский стоял в двух шагах от моей матери и как-то уж чересчур внимательно на нее смотрел. Буквально сканировал своим змеиным взглядом. — Поздравляю вас с выпиской. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете? Меня зовут...

— Да не утруждайтесь, — мама выпрямилась и подобралась вся, как всегда делала, когда ей предстоял неприятный разговор. — Я знаю, кто вы. Дочь мне рассказала.

Выглядела она собранной и уверенной в себе, но я видела, как тяжело ей было стоять и как она приложила руку к прооперированному месту.

А этот мерзавец ничего не замечал. Или не хотел заме-

чать. Ему не было никакого дела до состояния здоровья моей матери, ему нужно было выдавить из нас согласие на мировое.

В общем, как я и думала, ничего святого у этого скота. Даже на кладбище бы заявился, чтобы своего добиться.

— Мы с вашей дочерью говорили, но она в силу возраста слишком категорична и опрометчиво резка в своих суждениях. Так что думаю, нам с вами лучше поговорить лично. Уверен, как мать вы меня поймете.

— Господин Юрский...

— Можно просто Денис, ни к чему этот лишний официоз.

— Господин Юрский.

Тут мое терпение закончилось. Я не могла позволить этому обнаглевшему хозяину жизни прессовать мою мать...

Поэтому тут же бросилась вперед, встав между ними.

— Господин Юрский, вы меня в прошлый раз не поняли? Ни я, ни моя мама с вами разговаривать не будем. Хватит уже нас преследовать!

— Варвара, очень советую вам успокоиться. Вы не правы в своей горячности. Я не желаю вам зла, поймите уже. Но и не могу позволить посадить моего сына...

— Да вы, вы... — от наглости Юрского у меня внутри снова всё закипело... Я сделала шаг вперед, намереваясь высказать всё, что о нем думаю, а потом плюнуть в лицо...

Но резкий приступ боли заставил застонать и согнуться пополам.

— Варенька, девочка моя, — мама резко побледнела и обернулась ко мне. — Что с тобой, моя хорошая?

А замерла, чувствуя, как кружится голова и что-то теплое начинает течь по бедру. А еще спустя секунду увидела, как расплывается на белой ткани брюк алое пятно.

— Мама... — прошептала испуганно, цепляясь за нее, как утопающий за соломинку. — Мама, помоги, пожалуйста... Я его теряю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.